

Кружится слегка голова.
Балконы, трамваи, фигуры,
Ограды, дома, терема –
Ценнее старинной гравюры.

Замрёшь, покидая порог:
Какими опишешь стихами
Рассвет и морозный парок,
Оранжевый от дыхания!..

Туманен серебряный мост.
Вдали куполок пламенеет.
А башенный кран, как вопрос,
Над замершей стройкой немеет.

Ещё не замёрзла река,
Исходит клубами густыми...
На площади, сонной слегка,
Отчётливый памятник стынет.

У здания школы – снегирь,
Желанный, как яблочко саду.
Иду по Кузнецку. Сибирь.
А кажется – по Ленинграду.

Всё!.. Кто выжил, те в свой дом
Придут не похоронками.
Твердь усеяна кругом
Гильзами, воронками...

Мир настал – сойти с ума!..
Что ж, начнём жить заново!
...Дым. Рейхстаг. Цветущий май,
«Валенки» Руслановой.

Реет выше синевы
Знамя то – нетленное!
И бредут по мостовым
Те – военнопленные...

Вновь Европе на года
Не тлеть на наковаленке;
Победили – как всегда! –
Ватники и валенки.

СИБИРЬ

Где родиться – ты не выбирал.
Для кого-то – глухая окраина,
Для тебя же – единственный рай,
Только он за грехи забураненный.

Нефть да уголь да снег по воде,
Нищета да судьбина острожная,
Но ты знаешь, что это Эдем,
Только он до поры замороженный.

Ты устал, ты не вечный жилец,
За спиной лишь равнина безлика,
Но не надо об этом жалеть,
В сердце тайна мерцает великая.

Минут годы, сойдёт мерзлота.
И душа с надбесий вернётся
К изумительным белым садам...
И тогда от всего отдохнётся.

КРЕЩЕНСКИЙ ДЕНЬ

Улицы, дома и переулки
Сжала стужа жёстко и всерьёз
Так, что в рощах деревенских гулко
Лопались стволы седых берёз.

Глубина вселенская звучала
Тонким-тонким звоном бубенца –
Этой песне не было начала,
Этой грусти не было конца.

Холодно и солнечно на диво!
Смолкли все земные голоса.
...Что-то на земле происходило...
...Что-то совершалось в небесах...

И никто не ведал, что в пределах,
Где-то на задворках бытия,
Тихо во дворе заиндевелом
Мальчик очарованный стоял.

УДУШЬЕ

Через
четыре
года
Здесь
будет
город-сад!

**В. Маяковский. Рассказ
Хренова о Кузнецкстрое
и о людях Кузнецка**

С тяжёлой башкой подымись,
Протри сонных глаз перламутры:
В полнеба столбами – дымы
На фоне морозного утра.

Вильнёт «мерседес» в проходной,
Гнездится в нём руководитель.
Начальник он очередной,
Так что от него вы хотите?

Толкнёт он трудящимся речь,
Привычную уху неправду:
«Людей и природу беречь
Должны мы. Обязаны. Надо!»

Что дал миллион чугуна,
Доложит ответственным лицам,
Прощального выпьет вина
И плавно отбудет в столицу...

Сумы избежав и тюрьмы,
Слывёт там безбедным и мудрым...
А ты – матерись на дымы
И правду отхаркивай утром.

ОКТАБРЬ

Особая скука дерев городских,
Чугунная сырость ограды...
В такую погоду шалить не с руки,
Серьёзнее выгладеть надо.
Привычную фразу родным отписать,
А после задумчиво скомкать...
И, чуточку горбясь, отправиться в сад –
Грустить о своей Незнакомке.
Забор. Силуэт... И опять силуэт,
Стучат каблучки деревянно...
Прости за нескромность, великий поэт,
Средь женщин прохожих таинственной нет –
Все пахнут духами с туманом!..
Зачем же тогда я спешил в этот сад?
Чтоб чёрные ветви погладить?
Сослаться бы тут на душевный разлад,
Да дело не только в разладе.
Обрывки афиши... Опять моросит.
О, как же всё сиюминутно!
Желая уюта, хватаешь такси,
Но даже в такси неуютно...

37

* * *

Металлургический завод...
С ума порою сводит
Своим размахом!.. Но живёт
Собака на заводе.

Близ храпа доменных печей,
В трубе – куда уж проще! –
Живёт сей пасынок: ничей
И в то же время общий.

Кругом всё лязгает, дрожит,
Но пёс привычно ловок:

*Сперва владенья обежит,
Потом трусцой – к столовой.*

*Хороший, правильный народ –
Рабочие Запсиба:
Тот, смотришь, косточек стряхнёт,
А тот играючи пугнёт –
Что ж, и на том спасибо.*

*Но вот нашёлся «старший брат»,
Таких всегда узнаешь,
Рузнул кого-то, мол, убрать,
«Чтоб духу, понимаешь!..»*

*И кто-то камни поднимал,
Они свистя летели.
Пёс трясся и не понимал,
За что избить хотели.*

*Штанов не рвал, в тепле не жил
И зря не таял днями,
Объект исправно сторожил.
И вот за всё – камнями...*

ГОЛУБИ

*В тёмно-синее небо Сибири,
Прямо к звёздам, в седом январе
В дыме фосфорном искры клубились –
Сельский клуб в эту полночь горел.
Били струи. Шипя, поражали
Над фойе огнедышащий круг...
И на каски горячих пожарных
Стали голуби сыпаться вдруг.
Бились об пол. И лишь единицы
Вылетали на сизый мороз...
Угорелые, пьяные птицы,
Не спасут вас ни ночь, ни Христос!*

*Молодого, чумного, сырого
Я в кабину под курткой несу.
Да гори всё! Но, честное слово,
Одного хоть, но точно спасу.
...А в просторах забитой России
Шла война – и не год, и не пять –
Дым клубился и искры носились,
Прожигая до смерти ребят.
А народная слава былая –
Лишь в музеях да в песнях «Любэ»...
Что ж так, матушка, часто пылаешь,
Не жалеешь своих голубей?
Это что ж за напасть вековая:
Золотым генофондом пыля,
Бесконечно ты им засеваешь
И свои, и чужие поля...
А по чьей это тёмной наводке,
Беспросветным враньём загрязнён,
На вражде, на игле да на водке,
Кровью пенится твой горизонт?
Встань, родимая, с белых коленей,
Паразитов и пепел стряси,
Приголубь хоть одно поколение,
Хоть одно поколение спаси.*

38

НА ПЕРВОМ ПОЖАРЕ

*Дом пустой горел со свистом!..
Долга преданный вассал
Лез в огонь, как шёл на приступ,
Будто Родину спасал.*

*Прямо в лоб влепила балка.
...Каску скинул я – эх-ма,
Мне ума теперь не жалко,
Там и не было ума.*